

И. С. ГУРГЕНЕВ И РАЗВИТИЕ СЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Русско-югославские литературные связи в их историческом развитии интенсивно изучаются, особенно в последние десятилетия, как советскими, так и югославскими исследователями; появилось и продолжает появляться немало отдельных статей, издаются тематические сборники и монографии, освещающие различные аспекты этого круга вопросов. Причем до сих пор более широкую и разностороннюю разработку получали русско-сербские и русско-хорватские контакты, в несколько меньшей степени в поле зрения ученых оказывались отношения между русской и словенской литературами.

Рецензируемая книга словенского литературоведа Штефана Барбарича «Тургенев и словенский реализм» — первое монографическое исследование, непосредственно посвященное русско-словенским литературным связям,¹ и одновременно самая крупная в Словении работа о творчестве Тургенева. В подзаголовке к книге указывается, что издание ее приурочено к двум важным событиям в истории культурной жизни Словении: к столетию перевода на словенский язык «Записок охотника» и публикации первой значительной работы о Тургеневе — статьи К. Штрекеля.

* Barbarič Š. Turgenjev in slovenski realizem. Ljubljana: Slovenska matica, 1983, 203 s.

¹ В вышедшей более трех десятилетий тому назад монографии Марии Боршник «Фран Целестин» (*Boršnik M. Fran Celestin*. Ljubljana, 1951), где этим вопросам также отведено видное место, ими все-таки не исчерпывается все содержание книги.

Внимание Ш. Барбарича сосредоточено на узловом моменте русско-словенских литературных связей XIX века — на совокупности важнейших проблем в истории восприятия русской литературы в Словении, имевших первостепенное значение для литературного процесса той эпохи.

В рассматриваемый период (со второй половины 60-х до середины 90-х годов) именно Тургенев был у словенцев самым популярным иноязычным писателем и более всех других переводился на словенский язык. Сходные явления в отношении к Тургеневу, как правильно отмечает Ш. Барбарич в своем введении к книге, наблюдаются и в ряде других литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, включая южно- и западославянские (особенно осязательные подобные тенденции в хорватской и словацкой литературах), причем во всех этих случаях данная проблематика уже получила в трудах современных литературоведов более или менее исчерпывающую разработку.

Монография Барбарича, включая в орбиту исследования словенскую литературу, исполняет существовавший до сих пор пробел в изучении восприятия творчества Тургенева в Европе и соответственно вносит новые сведения в общее представление о мировом значении творчества русского реалиста.

В своем исследовательском труде Барбарич опирается на богатый, разнообразный историко-культурный материал, тщательно собранный, систематизированный и обобщенный автором, некоторые новые, найденные им факты он впервые вводит в научный обиход, иные — часто по-своему интерпретирует, анализирует более углубленно, чем его предшественники.

Исследование Барбарича многоаспектно, оно охватывает целый комплекс достаточно сложных вопросов: прослеживая пути вхождения творчества Тургенева в культурную жизнь, в духовный мир словенцев, автор имеет дело с разными видами и формами литературных связей — как с «внешними», так и с «внутренними» их проявлениями; он обращается к переводам произведений Тургенева на словенский язык, к научно-популярным и критическим статьям, рецензиям, заметкам, письмам, дневниковым записям словенских писателей, где речь идет о Тургеневе, а затем и непосредственно к их произведениям, выявляя и анализируя различные случаи творческой рецензии. Автор рассматривает также воздействие Тургенева — путем осмысления его творчества в Словении — на развитие эстетического сознания словенцев.

В соответствии с названными вопросами книга подразделяется и на главы. Первая глава посвящена переводам произведений Тургенева на словенский язык; она состоит из трех частей, что дает определенное представление о периодизации рассматриваемых явлений — «Первые переводы», «Семидесятые годы» и «На подъеме» (80-е годы).

Начинается история переводов произведений Тургенева в Словении с 1869 года — с перевода повести «Петушков» (заглавие переводчика Л. Подгоричана — «Любовь Петушкова»), спустя год следует роман «Дым» (переводчик М. Самец). Рассматривая переводы в хронологической последовательности, автор критически оценивает их, а некоторые анализирует более подробно; попутно уточняется и дополняется библиография переводов, вносятся коррективы в некоторые словенские издания. Обращая внимание на те объективные трудности, с которыми неизбежно сталкивается переводчик произведений Тургенева (особенно в описаниях природы и обрисовке персонажей), автор проявляет исторический подход к исследуемому материалу, учитывает степень развитости словенского литературного языка в тот период; затрагиваются и отдельные моменты, относящиеся к области теории перевода, например вопрос об отношении переводчика к переводимому тексту (в связи с обнаруженными пропусками в некоторых переводах, с обилием русизмов, буквализмов и т. д.). Автор выявляет и сравнительно удачные для своего времени переводы, в частности «Записок охотника» Ф. Ремеда (1850—1883) и К. Штрекеля (1859—1912). В итоге Барбарич отмечает важное значение переводов тургеневских произведений для утверждения реалистического художественного метода у словенцев.

Вторая глава монографии — «Публицистические отклики и критика» — также отличается полнотой охвата конкретного материала, на основе которого ав-

тор показывает постепенное и со временем все более широкое вхождение творчества Тургенева в критико-публицистический обиход словенцев, их отношение к творчеству русского писателя. Процесс этот, начало которого восходит к отдельным, еще единичным упоминаниям Тургенева в словенской печати (1859 год), значительно интенсифицируется с конца 60-х годов. В 1869 году видный словенский писатель И. Юрчич (1844—1881) на страницах своего журнала призывает одного из начинающих авторов «читать русского Тургенева», учиться у него. Внимание Юрчича к Тургеневу Мария Боршник еще раньше в названной выше монографии связывала с деятельностью Франа Целестина (1843—1895), виднейшего популяризатора русской литературы в Словении в 70—80-е годы и теоретика словенского реализма.

Естественно, Ш. Барбарич значительное место в своем исследовании отводит отношению Целестина к Тургеневу, дополняя соответственно наблюдения М. Боршник. Автор книги анализирует многочисленные высказывания Целестина о Тургеневе, учитывая, в каком контексте — критическом, полемическом, литературно-теоретическом — и в каких целях обращается Целестин к русскому писателю и его произведениям. Целестин, высоко ценивший творчество Тургенева, обычно в первую очередь акцентирует, как правильно отмечает Барбарич, общественно-критическую направленность его произведений, меньше внимания уделяя их художественной специфике. Но не все идейные трактовки, которые Целестин дает произведениям Тургенева, правильны и достаточно глубоки; автор книги прослеживает эволюцию некоторых из них, например толкование словенским критиком романа «Дым»: вначале, придерживаясь близких к славянофильству позиций, словенский критик отнесся к роману отрицательно, однако спустя некоторое время, в 1871 году, он уже проявил более верное понимание «Дыма», его критической сущности, истоки которой видит в «глубокой любви знаменитого писателя к своему народу». Значительно позже, в конце 80-х годов, возвращаясь к славянофильским воззрениям, Целестин вновь недооценивает и неверно трактует тургеневский «Дым». Немало неточностей и противоречий обнаруживает автор книги в определении явлений, которые Целестин в связи с творчеством Тургенева именует «нигилизмом», и в его трактовке образа Базарова — суждения эти также не были статичны, со временем значительно менялись.

Как известно, художественно-теоретические концепции Целестина формировались под сильным воздействием русской эстетической мысли (в первую очередь Белинского) — в изучении этого вопроса немалая заслуга принадлежит М. Боршник, — и автор рецензируемой книги в

отдельных случаях также соотносит высказывания Целестина о Тургеневе со взглядами некоторых русских критиков того времени. Однако, думается, исследование стало бы еще интересней, если бы эти связи прослеживались несколько более четко и подробно, чаще выявлялись бы конкретные русские источники, на которые опирался Целестин при выработке им собственной точки зрения. Выявление таких источников, очевидно осмысливавших Целестином творчески, позволило бы не только в известной степени воспроизвести ход его мысли, но также ярче и шире представить общий фон эпохи, «боренье дум» вокруг Тургенева.

Подробно разбирается в монографии и самая значительная работа о Тургеневе в XIX веке — статья, объемом в пятьдесят журнальных страниц («Люблинский звон», 1883), принадлежавшая перу 25-летнего слависта Карла Штрекеля. Написанная ярко, эмоционально, с обилием цитат из тургеневских текстов, статья эта имела для словенцев большое познавательное значение.

Анализируя статью, Барбарич делает много верных наблюдений, замечаний, обобщений, указывает на встречающиеся в ней отдельные неточности и упрощения, неизбежные в работе молодого автора, стремящегося охватить столь обширный литературный материал; исследователь справедливо считает, что наряду с трудами Целестина статья Штрекеля явилась «важным вкладом в утверждение реалистической поэтики в Словении» (с. 90).

При разборе статьи, написанной в форме очерка жизни и творчества писателя, Барбарич правомерно выделяет наиболее интересные и существенные, по его мнению, аспекты, на которых и останавливает свое внимание, среди них столь важные вопросы, как «о постулате общественной и актуалистической ангажированности литературы» (так формулирует автор этот пункт), о трактовке характеров (образов, персонажей) в произведениях Тургенева. Однако порядок рассмотрения поставленных вопросов представляется нам не совсем удачным, поскольку начинается оно не с главного, основного, а с более второстепенного — с отношения автора статьи к фантастическому и иррациональному в тургеневских произведениях последних лет. У читателей книги может возникнуть ошибочное впечатление, будто освещение произведений Тургенева с такими мотивами у Штрекеля превалирует над остальными. Однако это не так, Штрекель не обходит их молчанием (как это случилось у Целестина), но внимание его распространяется на творческое наследие Тургенева довольно равномерно. Более того, поскольку Штрекель исходит из реалистического требования отображения объективной действительности, иррациональные и фантастические моти-

вы ему в известной степени чужды, что показывает и сам Барбарич. Штрекель отдает предпочтение общественно значимым произведениям (особенно «Запискам охотника» и романам Тургенева), что также находит отражение в монографии Барбарича — с этих аспектов, как наиболее важных, думается, и следовало бы начать анализ статьи словенского слависта.

Хотя творчество Тургенева в 70–80-е годы XIX века пользовалось уже мировой славой, оно встречало и противников, в том числе и в Словении. Барбарич прослеживает все те выпады, которые делались в адрес русского писателя, борьбу, которая велась вокруг его творчества в словенской печати. Видный словенский литератор, писатель и публицист Йосип Стритар, выступая против натурализма, в полемической запальчивости причислял к этому направлению и Тургенева, ставя его имя рядом с именем Золя, а роман «Дым» — рядом с «Нана», что встретило решительные, аргументированные возражения со стороны Целестина.

Подходя исторически к рассматриваемым проблемам, автор монографии довольно подробно останавливается и на таком с современной точки зрения совершенно изжившем себя явлении, как реакционные, догматические эстетические концепции епископа Антона Махнич, агрессивно вмешавшегося в литературную жизнь Словении тех лет. Это позволяет более полно воссоздать специфику обстановки, в которой осваивалось словенцами творческое наследие Тургенева. Махнич в органах католической печати обвинял Тургенева не только в «натурализме», но и в пессимизме, «нигилизме», отсутствии «высших идеалов» и других смертных грехах; он был единственным в Словении, кто выступал против переводов произведений Тургенева на словенский язык. На грубые выпады Махнич в адрес русского писателя отвечали Целестин и Маршца (М. Надлишек-Бартол). Эти кликальные нападки не оказали заметного воздействия (за исключением немногочисленного ближайшего окружения Махнич) на процесс освоения творчества Тургенева в Словении.

Большой интерес представляет третья глава монографии — «Литературные связи и параллели». В методическом отношении, как признает сам автор, исследование его опирается в первую очередь на опыт хорватских литературоведов Й. Бадалича и А. Флакера, изучавших в разных аспектах восприятие Тургенева хорватскими писателями. Особое внимание Барбарич уделяет воздействию Тургенева на творчество виднейшего реалиста в словенской литературе XIX века Янко Керсника (1852—1897). Автор учитывает все высказывания своих предшественников — словенских исследователей об этих связях, критически рассматрива-

ет, уточняет и существенно дополняет их, в первую очередь это относится к трудам видного словенского литературоведа И. Приятеля, более полувека тому назад называвшего Керсника учеником Тургенева; учитываются суждения и А. Слюдяка, А. Опвирка, Я. Коса. Наиболее подробно Барбарич останавливается на романе Керсника «Рошлин и Верьянко», в котором, как и в романе Тургенева «Отцы и дети», отчетливо присутствует противопоставление двух поколений; кроме того, герой Керсника даже проводит аналогию между собой и Базаровым (правда, как убедительно показывает автор монографии, это относится лишь к вполне конкретной, частной ситуации). Тонкий, удачно построенный сравнительный анализ позволяет автору выявить на разных структурных уровнях как черты сходства, так и различия между этими двумя романами; значительное внимание уделяется композиционным и стилистическим элементам, сопоставляются соответственно и персонажи, обнаруживается немало общего в особенностях формы при существенных идейно-тематических расхождениях.

Несомненный тургеневский импульс Барбарич усматривает и в рассказе Керсника «Смерть крестьянина» (из цикла «Сельские картины»), связывая его с рассказом «Смерть» из «Записок охотника»; вообще, в названном цикле Керсника Барбарич видит пример Тургенева — в тематическом отношении, в социальном подходе к явлениям сельской жизни. Ориентация Керсника на тургеневский жанр при создании словенским писателем его «стихотворений в прозе» не вызывает у автора монографии никаких сомнений — он убедительно опровергает суждения на этот счет некоторых других словенских литературоведов. Подчеркивая большое значение воздействия Тургенева на Керсника, автор в то же время указывает на творческий характер этой рецепции, на сохранение Керсником собственной, самобытной писательской индивидуальности.

Разнообразные проявления связей с творчеством Тургенева обнаруживает Барбарич и у целого ряда других словенских писателей последних десятилетий XIX—начала XX века, как у второстепенных (Х. Доленц, Й. Старе, Ф. Гестрин, Ф. Детела), так и у более известных (Ф. Масель-Подлимбарски, Б. Мешко). Интересно сопоставление начала рассказа Мешко «Любовь к родине» с тургеневским стихотворением в прозе «Русский язык» — связь между ними очевидна. Воздействие Тургенева коснулось и других произведений Мешко. Один из персонажей его романа «Куда плывем» даже довольно пространно цитирует Тургенева (предсмертные раздумья Базарова), что, по мнению автора монографии, наглядно показывает, насколько действенным было творчество

Тургенева у словенцев и в середине 90-х годов.

В заключительной, четвертой главе — «Литературно-теоретические перспективы» — автор стремится дать ответ на вопрос «о том месте, какое занимал Тургенев в процессе формирования словенского поэтического (классического) реализма» (с. 175). Прежде всего, Барбарич с разных сторон характеризует эстетические воззрения, господствовавшие в Словении, когда там началось восприятие Тургенева, т. е. ту литературно-теоретическую первооснову, на которой и во взаимодействии с которой происходило усвоение творчества русского писателя. Важным ее компонентом была немецкая классическая поэтика, на ней базировалась и широко распространенная в словенских литературных кругах «Поэтика» Р. Готшалла (первое издание 1858 года), в которой проявлялось тяготение к «золотой середине» между реальным и идеальным. Барбарич затрагивает и вопрос, какое содержание вкладывалось словенскими публицистами в термин «реализм», появившийся здесь во второй половине 60-х годов XIX века, — понятие это было в первое время очень нечетким.

В начале 70-х годов для Целестина именно творчество Тургенева являлось конкретным олицетворением провозглашаемого им реалистического направления вместе с требованием актуальной, социально значимой тематики. Однако в результате прочного усвоения классической поэтики развивающийся реализм у словенцев сочетался еще с принципом идеализации («резвый реализм под серебристо-прозрачным покровом идеализма», по выражению Я. Керсника) — отсюда существовавший тогда термин «идеалистический реализм», впоследствии замененный И. Приятелем (на основе терминологии немецкого литературоведа О. Людвига) понятием «поэтический реализм».

Как известно, в словенской литературе процесс становления реализма был длительным, а романтические традиции — очень живучими, что в конечной основе обуславливалось конкретно-историческими причинами. Отмечая отсутствие в развитии словенской литературы резкого скачка к реализму, радикального поворота к объективизации в отображении действительности. Барбарич указывает на органичность восприятия здесь таких особенностей творчества Тургенева, как лиризм, поэтизация. По мнению Барбарича, творчество Тургенева было так интенсивно освоено словенцами в значительной мере потому, что оно не требовало решительного отхода от столь укоренившихся здесь принципов классической поэтики. И все же реализм в интерпретации Целестина и Керсника вносил много существенно нового, значительно расширял и тематическую сферу литературы, включая в

нее актуальную общественную проблематику, экономические и политические моменты. По мнению автора, такие сдвиги, хотя они обусловлены в первую очередь внутренними причинами развития данной литературы, часто опираются и на какой-то внешний авторитетный образец — в нашем случае им явился Тургенев, творчество которого в то время уже получило широчайшее признание; к тому же обращение к русскому, к славянскому писателю отвечало и принципу национального самоутверждения словенцев, подкрепляло их веру в собственные творческие возможности, нарушало традиционное до тех пор следование в первую очередь немецким литературным образцам, которые в эпоху развития реализма и не могли служить примером, значительно уступая достижениям русской литературы.

Естественно, в своих суждениях о Тургеневе, особенностях его творчества, общественной и литературной борьбе вокруг его произведений Барбарич в процессе всего исследования опирается на богатейшую литературу о русском писателе, на труды югославских, западноевропейских, советских тургеноведов, по-

стоянно пользуется академическим «*Полным собранием сочинений*» (М.; Л., 1960—1968), часто ссылается на комментарии к этому изданию. Встречаются неоднократные ссылки на книгу Г. А. Бялого «*Тургенев и русский реализм*» (М.; Л., 1962), на соответствующий том «*Истории русского романа*» (т. 1, М.; Л., 1962), на сборник «*Тургенев в русской критике*» (М., 1953). Без сомнения, автору монографии известны и другие наши тургеноведческие труды, желательнее было бы, чтобы это проявилось в книге более отчетливо.

Некоторые высказанные здесь замечания, скорее имеющие характер пожеланий, не умаляют ценности серьезного, обстоятельного труда Штефана Барбарича. Рецензируемая монография является существенным вкладом в изучение русско-словенских литературных связей, вносит новое в представление о развитии реализма в словенской литературе, имеет немалое значение для тургеноведения, поскольку в книге создается полная картина восприятия Тургенева в XIX веке еще одним братским славянским народом.